

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 125–131. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 125–131. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-125-131>

**МОТИВЫ КРИЗИСА РУССКОЙ СЕМЬИ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ЭПИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ Б.М. МАРКЕВИЧА
(«Четверть века назад», «Перелом», «Бездна»)**

Лебедев Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, y.v.lebedev@yandex.ru

Аннотация. В советское время романическая трилогия Маркевича безоговорочно относилась к числу наиболее ортодоксальных антинигилистических произведений. Однако уже современная автору консервативная критика считала нигилистов наиболее слабыми в художественном отношении героями этой трилогии. В центре повествования у Маркевича были не нигилисты, а историческая судьба русского дворянства, пережившего сокрушительное поражение в ходе «великих реформ» 1860-х гг. Маркевич показывает, что это поражение было связано с глубоким духовным кризисом просвещенной части дворянского сословия, на котором держалась отечественная государственность, которое хранило нравственные устои, крепившие русскую семью. В своей трилогии Маркевич изображает стремительно нарастающий кризис этих духовных устоев, явившийся плодотворной почвой для расцвета русского нигилизма. Здесь Маркевич близок Ф.М. Достоевскому, который в романе «Бесы» впервые показал преемственную связь между культурными дворянами и нигилистами, являющимися их наследниками, их духовными детьми. Отсутствие веры у отцов порождало нигилизм у детей. Именно потому в центре внимания Маркевича оказываются не столько русские нигилисты, сколько дворянское сословие, вдумчивым художественным историком которого этот писатель оказался.

Ключевые слова: эпическая композиция, художественные «сопряжения», христианство, язычество, духовные устои, самодержавие, дворянское сословие, кризис православия, нигилизм.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Для цитирования: Лебедев Ю.В. Мотивы кризиса русской семьи и отечественной государственности в эпической трилогии Б.М. Маркевича («Четверть века назад», «Перелом», «Бездна») // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 125–131. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-125-131>

Research Article

**MOTIFS OF THE CRISIS OF THE RUSSIAN FAMILY
AND NATIONAL STATEHOOD IN THE EPIC TRILOGY OF BOLESлав MARKEVICH
("A Quarter of a Century Ago", "The Turning Point" and "The Void")**

Yuriy V. Lebedev, Doctor of Philology, Professor, Kostroma State University, Kostroma, Russia, y.v.lebedev@yandex.ru

Abstract. In Soviet times, Boleslav Markevich's novel trilogy was unconditionally considered to be among the most orthodox anti-nihilistic works. However, already contemporary to the author, conservative criticism considered the nihilists to be the artistically weakest heroes of this trilogy. What is in the centre of Boleslav Markevich's narrative, is the historical fate of the Russian nobility, which suffered a crushing defeat during the "great reforms" of the 1860s, rather than nihilists. Boleslav Markevich shows that that defeat was associated with a deep spiritual crisis of the enlightened part of the nobility, which supported the national statehood, with the latter preserving the moral foundations which strengthened the Russian family. In his trilogy, Boleslav Markevich depicts the rapidly growing crisis of those spiritual foundations, which was a fertile ground for flourishing of Russian nihilism. In this case, Boleslav Markevich is close to Fyodor Dostoevsky, who in the novel "Demons" for the first time had showed the continuity between cultural nobles and nihilists who are their heirs, the spiritual children of the latter. The lack of faith in fathers gave rise to nihilism in sons. That is why Boleslav Markevich's focus is on the nobility rather than on Russian nihilists as, due to which that writer turned out to be a thoughtful art historian.

Keywords: epic composition, artistic "conjugation", Christianity and paganism, spiritual foundations of autocracy, nobility, crisis of Orthodoxy, nihilism.

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-012-00102

For citation: Lebedev Yu.V. Motifs of the crisis of the Russian family and national statehood in the epic trilogy of Boleslav Markevich ("A Quarter of a Century Ago", "The Turning Point" and "The Void"). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 4, pp. 125–131 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-125-131>

В письме к Петру Карловичу Щебальскому от 24 января 1879 г. Болеслав Михайлович Маркевич сообщал: «Я знаю, что “Четверть века” имеет большой успех, что о нем говорят во всех слоях общества, начиная с кабинета императрицы, которой читают его по вечерам, и кончая студенческими кружками...» [Письма: 145].

Однако романы этого писателя не получили развернутой и убедительной оценки как в отечественной критике, так и в литературоведении. Сам Маркевич пытался объяснить это так: «...В либеральных кружках шли очень большие толки о том, следует ли облавою напустить на меня, или, в виду несомненного сочувствия публики, не компрометироваться, а бросить совсем, заморить молчанием. Решились на последнее» [Письма: 146].

В письме к Щебальскому 27 августа 1881 г. Маркевич взывал почти с отчаянием: «Критики жажду, настоящей, серьезной, эстетической критики, – то есть того именно, чего у нас нет и чем такие люди, как вы, например, столько способные к ней, не хотите заняться» [Письма: 156].

По настоятельным просьбам Маркевича, Щебальский опубликовал о первых романах трилогии две критические статьи, делился с ним в письмах своими убеждениями и советами. «В письмах ваших, – говорил Маркевич Щебальскому, – я находил не только выражение дружеского сочувствия, всегда столь драгоценного каждому человеку, живущему не для одного мамоны, но и не менее ценное для держащего перо в руках существа указание умной, прозорливой и строгой при всей своей доброжелательности критики» [Письма: 185].

Общественные убеждения П.К. Щебальского глубоко раскрыты в его работе «Глава из истории нашей литературы». Анализируя «Выбранные места из переписки с друзьями», Щебальский писал: «Гоголь знает, какие упреки обыкновенно делаются православной церкви; но он видит руку Промысла в том, что церковь вселенская разделилась надвое и что из них одной предназначено “стоять неподвижно и как бы вдали от людей, а другой волноваться вместе с людьми; одной не принимать никаких нововведений, другой, меняясь и применяясь ко всем обстоятельствам времени, духу и привычкам людей, вносить все нововведения”».

Уподобляя вторую “заботливой хозяйке Марфе, а первую – скромной Марии”, Гоголь находит, что она избрала благую часть, ибо сохранила “всё то, что нужно для просыпающегося ныне общества. В ней, – пишет он, – кормило и руль наступающему новому порядку вещей, и чем больше вхожу я в неё умом и сердцем, тем больше изумляюсь чудной возможности примирения тех противоречий, которые не в силах примирить теперь церковь западная...” <...>

В противоположность возникавшим на Западе идеям об отделении церкви от государства и государства от церкви, Гоголь желал бы в России связать их теснее. “По мне, – говорит он, – безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу церковь, не испросив у неё на то благословения”. Церковью определяется наше национальное мировоззрение, и мы должны оставаться ему верным. Не без влияния церкви и с её благословения сложился и наш гражданский строй, наше национальное понятие о царе, например; наша любовь к своему отечеству неотделима от верности нашей церкви» [Щебальский 1885: 597].

«Гоголь говорит далее, что “высшее значение монархии прозрели у нас поэты, а не законоведы”, и в доказательство приводит следующие слова Пушкина: “Зачем нужно, чтоб один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и необратимое. А одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь; нарушить же его или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха – автомат: много-много если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера...”» [Щебальский 1885: 598].

А далее Щебальский обращает внимание на другую, тоже чрезвычайно близкую Маркевичу мысль. Гоголь «допускал и *самодержавие вотчинника*»: если «монарх должен быть “образом Того на земле, Кто Сам есть любовь”, то и помещик обязан был осуществлять некоторые черты монарха и прежде всего быть проникнутым любовью к своим подданным, жить не столько для себя, сколько для их блага, учить их добру» [Щебальский 1885: 600].

Так думал Гоголь, так утверждал дружески близкий Маркевичу Щебальский, о такой же общности дворянского сословия с народом мечтал автор эпической трилогии. Но в жизни России середины и второй половины XIX в. этот достаточно чуткий и недооценённый писатель чувствовал нарастающую беду.

Еще в дореволюционной критике сложилось убеждение, что Маркевич – сторонник крепостного права, противник крестьянской реформы. Но все это далеко от истины. На самом деле причину пореформенной катастрофы он видел в глубоком кризисе духовных основ русского общества. Кризис этот охватил в 1860-е гг. ведущие слои нашего дворянства, усилиями которых «великие реформы» утащили Россию через «перелом» – к «бездне». «Зна-

менитые “реформы”, – говорил Маркевич в письме к Щебальскому, – смолотили русскую жизнь в какую-то безобразную и вонючую муку, ни на какую потребу не годную...» [Письма: 163]. Никакой идеализации дворянства и «дворянских гнезд» в романах Маркевича нет. Есть в них другое. Изображается неизбежная смута, ведущая от безбожия культурного слоя к глобальному крушению христианских устоев России, начиная с семьи, и кончая ее государственностью.

Композиция трилогии напоминает принцип построения романного целого в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого. Через весь трехтомник тянутся, сопрягаясь друг с другом, две сюжетные линии. Одна тяготеет к язычеству, другая – к православию. В первой части – «Четверть века назад» – и во второй – «Перелом» – главным героем первой сюжетной линии оказывается московский Дон Жуан Ашанин и жрица любви Ольга Елпидифоровна Акунина (Ранцова), которую в последнем, незавершенном романе «Бездна» сменяет Антонина Дмитриевна Буйносова (Сусальцева) и графиня Елена Александровна Драхенберг, жизнь которой – пародийный перепев судьбы Анны Карениной.

К этой же линии тяготеют героини-нигилисты от Иринарха Овцына в романе «Перелом» до Владимира Буйносова в романе «Бездна». Они не относятся к числу удачных героев трилогии. По точной оценке П.К. Щебальского, «не только Овцын отец, но и Иринарх, играющий в романе видную роль, далеко не столь выпуклы, как другие действующие лица, портрет Иринарха написан весь каким-то одним сереньким колером. <...> Невольно, в виду несомненной талантливости г. Маркевича и его умения наблюдать, рождается сомнение, видал ли он, в самом деле, Иринархов Овцыных? Наблюдал ли он их в действительности, или же создал “отвлечение” на основании прочтенных им политических процессов, книг и статей наших реформаторов-революционеров?» [Щебальский 1882: 382–383].

Но заметим в то же время, что, по сравнению с картинами безбожия светского общества в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина», вся языческая линия в трилогии Маркевича окрашена в гораздо более резкие, обличительные тона. Обращаясь к Ольге Елпидифоровне, православный христианин Василий Григорьевич Юшков так оценивает ее красоту: «...Внимания заслуживаете вы вполне и от каждого, а в древнем мире могли бы, смею думать, даже большую известность приобрести.

– Это что же такое “в древнем мире”? Вы всегда какими-то притчами выражаетесь! – молвила пренебрежительно Ольга.

– А то это значит, сударыня, что в мире языческом, в противность тому, чему научило нас христианство, женская личность превозносима была почти исклю-

чительно за ту внешнюю, так сказать, телесную прелесть, коею могла она отличаться от других, а не за те высшие, духовные дары, которые для нас составляют ее лучшее украшение»¹.

Поэтому не первая, как у Толстого, а вторая сюжетная линия является в трилогии ключевой. В романе «Четверть века назад» ее ведут князь Ларион и молодой славянофил Гундуков, а во второй и третьей части ее подхватывают дворянин Борис Васильевич Троекуров и севастопольский ветеран Павел Григорьевич Юшков. С ними заодно брат Юшкова, старый романтик-христианин Василий Григорьевич и простодушная женщина из духовенства Елизавета Ивановна Сретенская. Два этих героя пытаются поддержать позитивный, православно-христианский мотив трилогии, обличая шаткость «обуянных» персонажей, одержимых «духом гордыни и возмущения».

Между двумя сюжетными линиями трилогии существуют напряженные художественные взаимосвязи. Для ключевой линии сюжета языческий мотив – источник постоянного соблазна и грехопадения, в который попадают лучшие герои трилогии. Соблазняется красотой Ольги Елпидифоровны Троекуров, околдован ее чарами граф Наташанцев, в психологической зависимости от Антонины Дмитриевны Буйносовой (Сусальцевой) оказывается Григорий Павлович Юшков.

Одержимый страстью к княжне Кире, готовый изменить жене и разрушить семью, Борис Васильевич Троекуров чувствует, что в его решении есть что-то близкое к поведению и образу жизни распущенного Ашанина, этого московского Дон Жуана, поджидающего в будке очередную потеху для удовлетворения своей страсти: «А тут, извольте видеть, у самой будки забор, а в заборе калиточка в сад, а за садом дом, а в доме живут старый муж-ревнивец и молодая жена. В дом меня, а из дома ее не пускают, вследствие чего, натурально, и она, и я испытываем неодолимое желание соединиться как можно чаще для взаимных жалоб на нашу несчастную судьбу. Вот я и нашел единственно доступное нам при таких враждебных обстоятельствах, укромное местечко по соседству с садом, куда муж пускает ее по утрам “для променажа”.

– И местечко это – будка? – невольно усмехнулся Троекуров.

– Будка, Борис Васильевич! – комически вздохнул шалун, глядя ему в лицо из-под опущенных им смиренно ресниц.

Но усмешка успела уже соскользнуть с этого лица и сменилась каким-то брезгливым, чуть не суровым выражением. Ашанин с прирожденным ему тактом тотчас же почувствовал, что собеседник его несколько не был расположен к “легкому разговору” в эту минуту, и, слегка покраснев, поспешил перейти на другой предмет»².

И вот, памятуя о «лабиринте сцеплений» Л.Н. Толстого, Маркевич использует в своем романе тот же самый художественный прием. В момент любовного порыва Троекурова к княжне Кире Кубенской «ашанинская линия» вторгается в повествование и гасит этот порыв острым ощущением его греховности: «У Троекурова двоилось в глазах. Никогда еще ее своеобразная красота и то внутреннее содержание, тот пыл и цвет душевный, что заключались в ней, не представлялись ему в таком обаянии, как в этот миг, когда, бледная как мрамор, с горящими страстною энергией глазами, беспощадно разгоняла она эту неожиданную горечью речи марево чаемого – давно ли? – ими обоюдного счастья. Соблазн этого счастья снова захватил и повлек его теперь. “Нет, что бы ни было, ты моя, ты должна быть моею!” – неудержимо подымалось ему к горлу... Он рванулся вперед, простирая руки... и остановился, вздрогнув, пред ее внезапно испуганным движением, переменяя себя сверхъестественным усилием и чувствуя, как краска мгновенно стыда выступала на его лицо... “Ашанин, будка”, – гадливо пронеслось у него опять в голове...»³

Остановимся на магистральной линии трилогии, связанной с судьбами русской государственности на переломе эпох, а оттеняющий эту тему антихристианский, языческий мотив будем держать в уме, оставив его пока приглушенным.

Уже в первом романе «Четверть века назад» «аристократ по крови, воспитанию и привычкам», князь Ларион, одержим беззаконной страстью к своей племяннице Елене (Лине) Шастуновой: «Нет отца, нет матери, нет посторонних чувств для того, кто любит!» – утверждает он. Любовь «есть кумир, которому без возврата отдается все, что до этого могло быть свято и дорого, долг, спокойствие, верования, жизнь»⁴.

«Это не любовь, а грех и преступление!» – обрывает его безумные слова глубоко верующая Лина.

Старик-смотритель уездного училища Василий Григорьевич Юшков читает безнадежно больной девушке стихи Жуковского:

*Есть, нам обещают,
Где-то лучший край.
Вечно молодая
Там весна цветет;
Для тебя иная,
Там, в долине рая,
Снова жизнь блеснет...*

«Там! – громко повторяет князь Ларион в порыве неудержимого раздражения; – что мы знаем об этом! Мы знаем только, что здесь от нас уходит безвозвратно неповинная жизнь...»⁵

Приход священника к Лине вызывает у князя недоумение: «Он остановился на ступеньке с широко, испуганно открытыми глазами.

Священник, низко кланяясь и косясь на него такими же испуганными от робости глазами, торопливо проскользнул мимо него вниз.

– Что это? – остановил князь Ларион сходящего вслед Юшкова.

– Отец Иоанн... прихода здешнего, – пробормотал тот нетвердо.

– Для чего он?..

– Княжна пожелала, – молвил он еще тише»⁶.

Ангелоподобная Лина оказывается чуждой родным и не понятой ими. Даже влюбленный в эту девушку юный славянофил Гундунов оказывается недостаточно чутким к ее возвышенной и ранимой душе.

Финал первого романа трилогии символичен. Отторгнутая русской жизнью Лина покидает этот мир. «Настала ночь... Она лежала на столе, озаренная свечами в высоких церковных шандалах, вся белая, в белой кисее, усыпанная свежими цветами, в венке из белых роз на распущенных волосах, со сложенными на груди крестом руками... Она уснула – и небесные видения, казалось, виделись ей теперь; что-то пронизывающее, глубокое, божественно-счастливое лежало на этом облике, говорило в складке строго, таинственно улыбающихся уст. Такой улыбки, такого выражения нет у живых, – их дает на грани земного бытия как бы мгновенное прозрение иной, вечно существующей, беспредельной жизни»⁷.

А в это время внизу, в своем кабинете, самовольно уходит из жизни князь Ларион, принимающий яд.

«Живый в помощи Вышняго в крове Бога небесного водворится», – доносится до него сверху чтение по усопшей Лине.

«“Сейчас узнаем!” – проговорил он, быстро поднося бокал к губам и, опорожнив разом, выкинул его рассчитанным последним движением далеко за окно.

Слабый звон тонкого стекла, разлетевшегося в мельчайшие дребезги на песке аллеи, не успел еще замереть в сонном воздухе, как бездыханное тело князя Лариона, ударившись виском о косяк стены, опрокидывалось всею тяжестью своею на паркет...»⁸.

О духовной слабости русского дворянства, мнившего себя когда-то опорой трона, говорит в романе «Перелом» близкий ко двору граф Наташанцев: «“Что же делать! Государь не может иметь к нам доверия более, чем мы сами имеем его к себе... А мы... давайте будем откровенны, никто из нас в себя не верит!” – уже чуть слышно и с каким-то отчаянием проговорил граф»⁹.

Главный герой второй и третьей части трилогии дворянин Борис Васильевич Троекуров служит «мировым посредником». С крестьянами своего участка он держит себя «не чиновником, не смиренным исполнителем воли и воззрений местных властей, а *барин*ом, то есть человеком, власть и значение которого основаны на службе отечеству и заслугах предков,

на сознании той передовой роли, которую они играли в течение веков» [Щебальский 1882: 369].

Но этот человек, подобно князю Лариону, беззаконно влюбляется в двоюродную сестру своей жены, княжну Киру Кубенскую. Только семейная катастрофа заставляет его одуматься, оценить свое увлечение. «А мы-то, мы-то сами, сами-то мы *что?* – спрашивает он себя и отвечает: – “Эстетики” мы были... Мы верили в “красоту”, мы “страсть” возводили в культ, – и во имя их все дозволяли, все извиняли; под их флагом, убранные в их цветы, дерзко выступали у нас всякая разнузданность, всякий преступный каприз безудержной фантазии...

Чего ждать от детей таких отцов, как мы? – неслось опять в голове его горячими и обрывистыми взрывами... – Общество без устоев и корней, плывущее как облако в пространстве по прихоти первого ветра... Всеобщая ломка и погром; все долой: живые побеги, родные предания, связи с прошедшим, с народом, с его нерушимыми верованиями... Слепые вожди, дешевые *мыслители*, куда ведете вы страну теперь, что тянет вас: злой рок, *fatum?*.. Нет, даже этого нет! “Тогент”¹⁰ бессмысленный какой-то, рабство нищего ума пред фантазмагорией чего-то чужого, без духа жизни, без почвы под собою... Вы на этой слякоти и мрази здание ваших *реформ* строите, *гражданскими правами* великодушно наградить нас намерены... Вы прежде всяких прав научите нас *долгу*, научите *отцами* быть, вы *семью* спасите в России!” – с горечью и злостью, чуть не громким воплем вырывалось из груди Троекурова»¹¹.

Княжна Кира, отвергая страстный порыв Троекурова и покидая Россию, уходит в католический монастырь. «“Ей нужно было отдать себя в руки, в надежные руки, а у нас – некому”, – полагает Троекуров. Он остановился, глянул, вдумчиво прижмурясь, в окно... Кресты ближней трехглавой церкви сверкали сквозь его стекла в мягком сиянии осеннего утра... Троекуров долго глядел на них... “Некому? – вопросительно повторил он про себя: – ужели ж все прежнее, крепкое, прахом пошло и разнесено ветром?”»¹².

Эти кресты ближней церкви так же далеки от Троекурова, как и от Киры Кубенской, и от князя Лариона Шастунова. К этому выводу интуитивно пробивается Маркевич. Он чувствует отчуждение верхов русского общества от коренных основ православной жизни, от духовных устоев нации.

Согласно этим устоям, питавшимися православной верой, русский народ считал своего царя «помазанником Божиим». А дворянские верхи упорно «окормляли» Россию идеями чуждого православному сознанию буржуазного парламентаризма, бесплодными демократическими посулами.

Маркевич интуитивно чувствует, хотя рационально, может быть, и не вполне осознает, что катастрофа

дворянского сословия была связана именно с духовной отчужденностью его от тех религиозных основ нашего общества, которые, начиная с синодальной реформы Петра Великого, вступили в полосу тяжелого кризиса.

Современное православие, исключая «маленькую» Елизавету Ивановну с ее наивным и трогательным «андел ты мой», представлено в трилогии «прогрессивным» пастырем о. Парфеном. «Слово *Бог*, – поучает он семью Троекуровых, – понятие, так сказать, пространственное, растяжимое даже до чрезвычайности... Сами вы, полагаю, не безызвестны, что современная наука, к примеру, никакого прежнего признания *на веру* не допускает...» [Маркевич 7: 248]¹³.

А решительное сопротивление такому «прогрессивному» пониманию Бога вызывает у отца Парфена горделивое презрение: «...Эти “аристократишки” видели в нем все того же, прежнего “попа”, “кутейника”, которых они привыкли “третировать ан канал”; они не поняли, что пред ними предстоял “человек *новых взглядов и образования, понимающий приличие* не хуже, чем они”, как они моющий себе руки французским мылом и меняющий рубашку каждый день... “Прохвосты, белая кость!” – шептал он»¹⁴.

Маркевич чувствует духовную ущербность не только духовенства, но и дворянства, того культурного слоя, с которым ему хочется связать надежды на возрождение России. В письме к Щебальскому от 23 июля 1880 г. он обращается за помощью к своему наставнику: «Тщетно бьюсь я в мысли отыскать ту *реальную*, практическую почву, на которой <...> мой Троекуров мог бы в свою очередь аргументировать “умнее” Гундунова. А то придется вести дальнейшее чисто *отрицательным* путем, – т. е. показать на безобразные результаты того, что было сделано в силу принципов, которых Гундуновы были представителями, не имея слова сказать на естественно являющийся затем вопрос: “прекрасно, мы с вами согласны, вышло нечто отвратительное; ну, а что бы вы сделали для того, чтоб было иначе?” <...> *Что именно в понятиях Троекурова могло бы, должно бы было быть сделано, чтобы это сельское дворянство в России было в состоянии, как в Англии, играть подобающую ему роль крепкой, культурной и руководящей силы?* Как вы это понимаете, как бы вы разумели его воззрения? Где в его глазах зло: в недомыслии сделанного, или просто-напросто в несостоятельности самого дворянства, в нравственной дряблости русского характера? Ведь все это – *autant de questions*¹⁵, на которые, повторяю, я до сих пор нигде не находил удовлетворяющего меня ответа» [Письма: 152–153].

В заключительной части трилогии «Бездна» Троекуров беспощаден к правительственным верхам: «Четверть века вы употребили на то, чтобы придавить в России, осмеять, вырвать с корнем все, что оста-

валось у нее Богом ей данного здравого смысла. На место его вы поставили вашу уродливую, бессмысленную, гнилую *интеллигенцию*. Вы обрекли прирожденные способности русских людей на долгое, вековое, может быть, бесплодие, воспитав их на отрицании, на презрении всего родного, древне заветного, на развращающих фразах и отсутствии всякого нравственного идеала. Вы из чужеземной *цивилизации*, – с невыразимой горечью подчеркнул Борис Васильевич, – умели привить к своей стране одну лишь гангрену отживающих народов; вы отравили русский народ безначалием, забавами, “аблакатами”; вы сочинили атеистическую, невежественную, злобную *прессу*, точащую яд каждою своею строкой, прессу – бич всего, еще остающегося не исковерканным в нашем крае...»¹⁶

Провиденциальным финалом трилогии является в «Бездне» сын Троекурова Вася, глубоко верующий и душевно ранимый мальчик. Можно считать, что образ Васи замыкает кольцевую композицию трилогии. По своему духовному складу он напоминает Лину Шастунову, смертью которой завершается первая часть ее – «Четверть века назад».

Вася с опасением признается своей сестре, что собирается стать священником: «Я знаю, знаю все, что на это могут мне сказать: что это ни с чем не сообразно, несогласно – ни с обычаями, ни со званием, ни с тем, наконец, что мне предстоит, как ты вот сейчас сказала, как “продолжателю дела моего отца”. <...> А ты подумай, Маша, если б я там же, в Глубоком, или хоть здесь бы, во Всесвятском, призван был священнодействовать, быть духовным отцом наших крестьян, разве я не был бы настоящим тогда помощником в деле моего отца и не избрал бы вместе с тем лучшее, что дано человеку сделать на земле?»¹⁷.

«Маша порывисто вскочила с места и кинулась к брату.

– Вася, голубчик, милый... <...> ...Ради Бога, ради Бога, не отдавайся этому... <...> Я ничего, ничего не скажу татам о нашем разговоре. Она и так, ты уже знаешь, угадывает что-то и мучается за папа. А ему это был бы такой удар!...»¹⁸

Пророческое предчувствие неотвратимой национальной катастрофы ощутимо у Маркевича в речах славянофила Гундунова: «Как за двести лет до этого, так и теперь во всей земле русской только две живые силы: личная власть наверху и сельская община на противоположном конце, – говорит он. – Но эти две силы отделены друг от друга промежуточными слоями. Эта нелепая промежуточная *среда*, лишенная всяких корней в народе... начинает храбриться и подыматься на дыбы... <...> Возьмите дворянские собрания, университеты, печать; вы знаете, что все это творит теперь... Весь этот бессмысленный крик и пугает правительство, и возбуждает массы. Правитель-

ство делает уступку за уступкой, безо всякой пользы для общества, которое дразнит его единственно для удовольствия дразнить...

Но долго так идти не может, – говорит все оживленнее Гундунов, – в противном случае нельзя было бы избежать теснейшего соединения двух оконечностей, верховной власти и низкого слоя народа, а тогда уже все, что находится в середине, было бы раздавлено, разгромлено... А в этой середине вся грамотная Россия, вся наша культура...” “Славное будущее ждет нас, нечего сказать!” – сорвалось с губ Бориса Васильевича Троекурова»¹⁹.

Маркевич в письме к Щербальскому от 23 июля 1880 г. заявлял: «Но я ужасаюсь при одной мысли, что, выражаясь вашими словами, “Гундуровский радикализм может взять верх в сознании читателя над *gentry*²⁰-образным образом мыслей”» [Письма: 151].

В споре с одним из членов государственного совета Троекуров в романе «Бездна» с надеждой говорит о мудром государственнике, мужике Капитоне: «“Правда ли, – спрашивает он меня, – бают в народе, будто теперича, заместо Царя, будет у нас *присягательная господчина*?” “Что такое? – спрашиваю, не понимая”. “А так, что допреж того господ Царю присягали, а что нонче сам он будто станет господам на книге присягать, сам от себя, значит, отступится и будут они заместо его править всею Расеей”»²¹.

Маркевич, вместе со своими лучшими героями из дворянства, убежден в непоколебимости народной веры в русского самодержца. «Для народа, – говорит Троекуров, – Царь – всё: хоругвь, палладиум, святыня горняя, от которой одной льются на него свет и милость и к которой единственно возносятся все его упования... И вы безрассудно почитаете возможным посягнуть на эту его святыню!...»²²

Но что произошло далее? Культурное русское дворянство «на эту святыню», вопреки надеждам и предостережениям Маркевича, дважды посягнуло! Сначала – в революцию 1905 г., потом – в феврале 1917-го. Эти «посягновения» привели к предсказанной Гундуновым «ликвидации» культурного слоя русского общества. А народ, отвернувшись от него, поклонился уже не «белому», а «красному» царю.

Вот что думали в связи с этим по поводу Октябрьской революции далеко не худшие представители русского духовенства первой половины XX в. Митрополит Вениамин (Федченков) утверждал: «И в самом деле. Если мы веруем, что над всем есть Промысл Божий, если мы повторяем евангельское слово: “И волос с головы не падет без воли Божией”, так неужели такое колоссальное событие, как революция, случилось без этой воли? Недопустима даже самая мысль об этом. По Промыслу Божию и произошла революция, и пришла большевистская безбожная власть!» [Митрополит Вениамин].

Примечания

- ¹ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 10. С. 727–728.
- ² Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 12. С. 713.
- ³ Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 12. С. 724–725.
- ⁴ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 10. С. 705.
- ⁵ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 12. С. 799.
- ⁶ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 12. С. 808.
- ⁷ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 12. С. 823.
- ⁸ Маркевич Б.М. Четверть века назад // Русский вестник. 1878. № 12. С. 830–831.
- ⁹ Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1880. № 6. С. 833.
- ¹⁰ Поток (франц.).
- ¹¹ Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 12. С. 744.
- ¹² Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 12. С. 744.
- ¹³ В журнальном тексте этот эпизод отсутствует.
- ¹⁴ Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 8. С. 762–763.
- ¹⁵ Так много вопросов (франц.).
- ¹⁶ Маркевич Б.М. Бездна // Русский вестник. 1884. № 8. С. 775.
- ¹⁷ Маркевич Б.М. Бездна // Русский вестник. 1884. № 5. С. 246–247.
- ¹⁸ Маркевич Б.М. Бездна // Русский вестник. 1884. № 5. С. 250.
- ¹⁹ Маркевич Б.М. Перелом // Русский вестник. 1881. № 7. С. 325–328.
- ²⁰ Дворянски (англ.).
- ²¹ Маркевич Б.М. Бездна // Русский вестник. 1884. № 8. С. 779.
- ²² Маркевич Б.М. Бездна // Русский вестник. 1884. № 8. С. 777.

Список литературы

- Маркевич Б.М. Полн. собр. соч.: в 11 т. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1885.
- Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/na-rubezhe-dvukh-ehpokh/4 (дата обращения: 07.08.2021).
- Письма Б.М. Маркевича к графу А.К. Толстому, П.К. Щербальскому и друг. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1888. 369 с.
- Щербальский П.К. Глава из истории нашей литературы // Русский вестник. 1885. № 2.
- Щербальский П.К. Роман из эпохи освобождения крестьян // Русский вестник. 1882. № 3.

References

- Markevich B.M. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]: in 11 vols. St. Petersburg, tip. A.M. Kotomina Publ., 1885.
- Mitropolit Veniamin (Fedchenkov). *Na rubezhe dvukh epoch* [At the turn of two eras]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Veniamin_Fedchenkov/na-rubezhe-dvukh-ehpokh/4. (access date: 07.08.2021).
- Pis'ma B.M. Markevicha k grafu A.K. Tolstomu, P.K. Shchebal'skomu i drugim* [Letters from B.M. Markevich to Count A.K. Tolstoy, P.K. Shchebal'skiy and others]. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za" Publ., 1888, 369 p.
- Shchebal'skii P.K. *Glava iz istorii nashei literatury* [Chapter from the history of our literature]. *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1885, № 2.
- Shchebal'skii P.K. *Roman iz epokhi osvobozhdeniia krest'ian* [A novel from the era of the liberation of the peasants]. *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1882, № 3.
- Статья поступила в редакцию 10.08.2021; одобрена после рецензирования 02.09.2021; принята к публикации 12.11.2021.*
- The article was submitted 10.08.2021; approved after reviewing 02.09.2021; accepted for publication 12.11.2021.*